

Научная статья
УДК 340.12(470)"19"
DOI: 10.46724/NOOS.2026.2.70-78

А.А. Краевский

ТЕОРИЯ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТРУДАХ МОСКОВСКОЙ И ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Аннотация. В отличие от советского правоведения, дореволюционная российская юридическая наука не помещала проблемы теории правовых отношений в центр своего внимания. Вместе с тем главный спорный вопрос этой теории — вопрос о понятии правового отношения — в полной мере был поставлен уже представителями московской и петербургской школ философии права. В обеих школах были представлены разные точки зрения на данную проблему — юридическая, фактическая и смешанная. Так, например, наиболее яркие представители фактической концепции, С. А. Муромцев и Д. Д. Grimm, представляли московскую и петербургскую школу соответственно, а юридическая концепция нашла свое отражение не только в трудах петербуржцев Л. И. Петражицкого и его учеников, но и в сочинениях таких московских правоведов, как П. Г. Виноградов и Е. Н. Трубецкой.

Ключевые слова: правовое отношение, социальное отношение, Московская школа философии права, Петербургская школа философии права, С. А. Муромцев, Д. Д. Grimm, П. Г. Виноградов, Л. И. Петражицкий.

Ссылка для цитирования: Краевский А. А. Теория правовых отношений в трудах московской и петербургской школ философии права // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 2. С. 70—78.

Original article

A. A. Kraevsky

THE THEORY OF LEGAL RELATIONS IN THE WORKS OF THE MOSCOW AND ST. PETERSBURG SCHOOLS OF LEGAL PHILOSOPHY

Abstract. Unlike Soviet legal scholarship, pre-revolutionary Russian legal scholarship did not place the problem of the theory of legal relations at the center of its attention. At the same time, the main point of contention in this theory — the question of the concept of a legal relation — had already been fully raised by representatives of the Moscow and St. Petersburg schools of the legal philosophy. Both schools presented different perspectives on this issue — legal, factual, and mixed. For example, the most prominent representatives of the factual theory, S. A. Muromtsev and D. D. Grimm, represented the Moscow and St. Petersburg schools, respectively, while the legal theory was reflected not only in the works of the St. Petersburg scholars L. Petrazyski and his students, but also in the writings of such Moscow legal scholars as P. G. Vinogradov and Y. N. Trubetskoy.

Keywords: legal relation, social relation, Moscow School of Legal Philosophy, St. Petersburg School of Legal Philosophy, S. A. Muromtsev, D. D. Grimm. P. G. Vinogradov, L. Petrazycki.

Citation Link: Kraevsky A. A. (2026) The theory of legal relations in the works of the Moscow and St. Petersburg schools of legal philosophy, *Noospheric Studies*, no. 2, pp. 70—78.

Настоящая статья продолжает исследование дискуссии понятии и природе правового отношения в отечественной юриспруденции. Наша первая работа по данной теме была посвящена спорам о понятии и природе правового отношения в советской теории права и современном российском правоповедении [Краевский, 2023]. В указанной статье мы констатировали, что истоки данных дискуссий относятся к области еще дореволюционной юриспруденции. Цель настоящей работы заключается в выявлении истоков основных теоретических позиций по данному вопросу в трудах дореволюционных московской и петербургской школ философии права.

В отличие от советского правоповедения дореволюционная российская юридическая наука не помещала проблемы теории правовых отношений в центр своего внимания. Вместе с тем в ней уже в полной мере был поставлен вопрос о понятии и природе правового отношения.

Существует три основных подхода к пониманию правового отношения, которые, ввиду отсутствия устоявшейся терминологии, можно условно обозначить как смешанный, фактический и идеальный.

Смешанная концепция. Начать следует со смешанной концепции правового отношения, поскольку именно она представляет собой исходную точку дискуссии. Сама по себе данная концепция, конечно, была не изобретена российскими правоведами, а воспринята из немецкой юридической науки, в частности, ее можем обнаружить уже в сочинениях Ф. К. фон Савиньи. С одной стороны, знаменитый романист писал, что правовое отношение устанавливается правовой нормой [Савиньи, 2011: 457] и возникает на основании юридических фактов. Ему же принадлежит известная классификация последних по волевому критерию [Савиньи, 2012: 211—215]. С другой стороны, Савиньи подчеркивает двойную природу правового отношения, выделяя в нем две части — материю, то есть отношение само по себе, и юридическое определение этой материи. Первый элемент он называет материальным, или чистым, фактом в правовых отношениях, а второй — формальным, то есть тем, что возвышает фактическое отношение до юридической формы [Савиньи, 2011: 457].

Прямым последователем учения Савиньи можно назвать профессора Московского университета и автора одного из первых учебников по теории права М. Н. Капустина. В книге 1868 года русский правоведа также пишет о двух одновременно существующих сторонах юридического отношения, которое, по его учению, занимает промежуточное положение между фактом и нравственностью — жизненное отношение становится юридическим в тот момент, когда получает охрану со стороны государственной власти. Получение юридической формы не изменяет характера фактических жизненных отношений, «жизнь продолжает наполнять их своим содержанием». Вместе с тем юридический характер приобретает не все жизненное отношение, а только то, что в нем разумно [Капустин, 1868—1869: 199—203]. Юридическое содержание правовых отношений составляют права и обязанности [там же: 227].

Аналогичным образом другой представитель старшего поколения дореволюционной московской школы, Н. С. Суворов, пишет о юридических отношениях как о фактических отношениях, защищенных объективным правом. Данная защита заключается в том, что «нормами поддерживаются права одной стороны и обеспечивается исполнение обязанностей другой стороны» [Суворов, 1907: 83].

Подобные рассуждения можно встретить и у В. М. Хвостова [Хвостов, 2011: 121], и у Н. Н. Алексеева [Алексеев, 1919: 135], писавших о юридическом отношении как о жизненном отношении, принимаемом во внимание объективным правом. Похожим образом еще один московский правовед, А. А. Рождественский, указывает на права и обязанности как на содержание правовых отношений, но определяет юридические отношения как «взаимные отношения людей, поскольку они совершаются на почве и в пределах юридических норм» [Рождественский, 1911: 91—93].

В Санкт-Петербургском университете смешанная концепция была ярко представлена в трудах Н. М. Коркунова. Он определяет правовое отношение как «житейское, бытовое... отношение, регулируемое юридической нормой» [Коркунов, 1908: 137]. Примечательно при этом, что Коркунов пытался выйти за рамки чисто фактического понимания отношения, используя эту категорию в более общем, философско-логическом смысле: «Всякое отношение предполагает связь, зависимость и вытекающую из этой зависимости возможность воздействия. Где нет зависимости, нет и отношения. Так, если между данными, например, тригонометрическими величинами, существует определенное отношение, это значит, что они зависимы друг от друга, что изменение одной из них вызывает соответственное изменение всех других. Так, если между данными явлениями существует отношение причинной связи, это значит, что следствие зависит от причины, что наличность причины вызывает за собой наступление следствия. Напротив, если между чем-нибудь нет никакой зависимости, говорят, что одно к другому не имеет никакого отношения. Точно так же и все людские отношения состоят в той или иной зависимости между людьми, в возможности того или иного воздействия их друг на друга» [там же: 138].

При этом ученый отмечает, что каждое юридическое отношение складывается из права и обязанности [там же: 142].

Несмотря на широкое распространение, смешанная теория правового отношения часто сталкивалась и продолжает сталкиваться с серьезной критикой. Проблема заключается в том, что если содержание правового отношения заключается в правах и обязанностях, и оно суть правовая связь, возникающая на основании нормы в момент наступления юридических фактов, то сложно объяснить, как оно может быть собственно общественным отношением (в современной терминологии) или бытовым (жизненным, житейским) отношением (в терминологии дореволюционных авторов), то есть фактическим человеческим поведением. В этом вопросе вскрывается основное противоречие смешанной теории правоотношения, потому что два перечисленных тезиса на самом деле несовместимы. Правовое отношение не может одновременно 1) быть фактическим и 2) состоять в праве и обязанности, поскольку право и обязанность относятся к категории должного, а не сущего. Иными словами, проблема смешанной теории заключена в ее противоречивости, для преодоления которой необходим отказ от одного из двух вышеназванных тезисов.

Фактическая концепция. Фактическая концепция разрешает противоречие смешанной теории, отбрасывая представление о праве и обязанности как содержании правового отношения. Права и обязанности в таком случае могут рассматриваться только как форма правового отношения.

Из отечественных представителей смешанной концепции, наверное, ближе всех к фактической теории подошел Капустин, однако все-таки впервые явным образом она была сформулирована известным ученым московской школы, первым русским представителем социологического понимания права, С. А. Муромцевым. Можно предположить, что знаменитый романист в своей концепцией вдохновлялся римским судебным процессом, в котором защита часто предоставлялась в ситуации, до этого не урегулированной действующим правом¹.

Сами социальные отношения трактуются Муромцевым весьма нетипичным образом — под социальным отношением он понимает то, что в современной социологии скорее понимается под социальным статусом: по определению самого правоведа речь идет об отношении члена общества к окружающей его среде [Муромцев, 2004: 61]. Под фактическим отношением ученый понимает взаимное соотношение природных свойств предметов, открывающее определенные возможности. Например, природное превосходство в силе образует отношение господства и подчинения и т. д. [там же: 62—63]. То или иное фактическое отношение может получить защиту со стороны общества. Защита, в свою очередь, может быть неорганизованной или организованной. В последнем случае имеет место юридическое отношение [там же: 68—73]. При этом получение защиты отношением по существу его не меняет, оно остается все тем же фактическим отношением [там же: 91]. Соответственно, существование правового отношения не равнозначно его юридической защите. Оно возникает раньше, чем защищается и в целом его динамика отличается от динамики его юридической защиты [там же: 91—99].

Другой выдающийся российский романист, представитель петербургской школы Д. Д. Grimm, в каком-то смысле пошел еще дальше Муромцева, пытаясь перестроить на новых основаниях всю классическую теорию юридических фактов и теорию сделок. Подобно Муромцеву, Grimm исходил из первичности социальных или, как он писал, бытовых отношений по отношению к нормам. Правовые нормы представляют собой лишь отражение бытовых отношений, производны от них [Grimm, 1914: 3] и сами не порождают никаких правовых последствий [Grimm, 1897a: 10]. Функция объективного права — быть внешним критерием разграничения общественно-целесообразных, общественно-безразличных и общественно-вредных бытовых отношений [там же: 14, 22]. Grimm различает два вида бытовых отношений, которые он отождествляет с отношениями пользования и распоряжения. Первый — отношение к вещи (он называет его коренным), второе — отношение между субъектами (оно именуется вспомогательным) [там же: 25—26]. Бытовые отношения могут иметь сложную

¹ Стоит отметить, что отношение к преторским эдиктам представляет собой интересный маркер типа правопонимания. Если для представителя социологического правопонимания это удачный пример правоприменения, защищающего живое, уже существующее в обществе право (С. А. Муромцев, О. Эрлих и др.), то для нормативиста это явный пример правотворчества под видом правоприменения (Г. Кельзен).

структуру, связанную со встречным характером пользования и распоряжения и наличием нескольких объектов. Собственно юридическим можно считать такое бытовое отношение, которое квалифицируется юридической нормой как общественно-целесообразное [там же: 34]. Субъективное право в строгом смысле представляет собой коренное юридическое отношение, рассматриваемое с активной стороны. Вспомогательное отношение, рассматриваемое с активной стороны, отождествляется с такой категорией, как притязание [Гримм, 1897б: 18]. Радикальность теории Гримма, таким образом, заключается в том, что сами права и обязанности он трактует как элементы бытового, то есть фактического отношения.

Основная проблема фактической концепции заключается в том, что она сильно расходится с привычным юридическим словоупотреблением и требует перестройки многих сложившихся юридических доктрин, в особенности учения о юридических фактах.

Идеальная концепция. Идеальная концепция разрешает противоречие смешанной теории противоположным по сравнению с фактической образом — отбрасывает идею о фактическом характере правового отношения, основываясь на представлении и его содержании в виде прав и обязанностей. То есть правовое отношение рассматривается как отношение долженствования, имеющее идеальную природу.

В Московском университете идеальная концепция имела своих сторонников, хотя они и не отстаивали ее в столь яркой полемике, как некоторые представители петербургской школы. В некоторых случаях даже не вполне ясно, придерживаются ли правоведа именно ее или все-таки склоняются к смешанной теории. Так, например, Е. Н. Трубецкой, с одной стороны, пишет, что «правомочие и обязанность суть две стороны, два элемента правового отношения» [Трубецкой, 1917: 158], то есть именно их считает содержанием правового отношения. С другой стороны, ученый пишет, что правовые отношения — это «урегулированные нормами объективного права отношения лиц между собой» [там же: 159]. Казалось бы, это рассуждение похоже на вариант смешанной концепции из трудов Коркунова, но нюанс состоит в том, что Трубецкой нигде не утверждает, что эти отношения лиц между собой являются бытовыми, житейскими или фактическими, косвенные же признаки свидетельствуют скорее в пользу идеальной интерпретации.

Гораздо более ясно и четко идеальная трактовка юридических отношений представляется в трудах профессора Московского и Оксфордского университетов П. Г. Виноградова, больше известного трудами в области истории права и сравнительного правоведения. Он явным образом проводит различие между юридическим и социальным общением, отмечая их параллельное существование. Как пишет ученый: «Социальным общением каждую минуту создаются и разрушаются самые различные отношения: люди любят и ненавидят, помогают и мешают друг другу, воспитывают и эксплуатируют друг друга, соединяются друг с другом для собеседования, для дел, для литературной и научной работы. Но выраженные в формах юридического общения отношения эти принимают всегда один и тот же вид: они являются только разновидностями того основного соответствия между правом и обязанностью, которое образует сущность юридической мощи» [Виноградов, 1915: 40—41].

Любопытно, что для исследования правовых отношений Виноградов использует грамматический анализ, сопоставляя 3 выделяемых им типа правовых отношений с различными грамматическими формулами:

1) Тип 1, притязание

А (подлежащее, субъект) — требует (сказуемое, предикат) известных услуг от Б (дополнение, объект).

Альтернативная формулировка: Б (субъект обязанности) — должен (предикат) оказать известные услуги А (объект).

2) Тип 2, (*jus in rem*)

А (собственник земли) — требует от Б, В, Г и т. д. (от каждого) воздержаться от пользования земельным участком (У).

3) Тип 3 (отношения с участием государства)

А (субъект, государство) — требует (предикат) повиновения граждан его законам (объект).

Альтернативная формулировка: Б (субъекты обязанности, граждане) — обязаны (предикат) повиновением государству в отношении его законов (объект) [там же: 41—43].

Методологически эта классификация правовых отношений, как представляется, в какой-то степени предвосхищает теорию У. Хофельда [Хофельд, 2016], а по своим результатам — на разработанное в советском правоведении деление правовых отношений на общие, конкретные абсолютные и конкретные относительные.

Наиболее яркая защита идеальной теории тем не менее представлена в сочинениях профессора Петербургского университета Л. И. Петражицкого. В своей «Теории права и государства в связи с теорией нравственности» он сформулировал три основных аргумента против смешанной теории правоотношений:

1) Для установления прав и обязанностей совсем необязательно наличие каких-либо житейских отношений между их субъектами.

Суть аргумента заключается в том, что реальные житейские отношения не существуют не только в рамках абсолютных правовых отношений, где одной из сторон является неопределенный круг лиц, но иногда даже в относительных правовых отношениях. В качестве примера последних учёный приводит различные отношения, возникающие в рамках наследственного права.

2) Смешанная теория несовместима с общепринятой теорией юридических фактов, не способна отличить их от правовых отношений.

Суть аргумента в том, что если понимать под правовыми отношениями фактические (житейские отношения), то тогда получается, что правовые отношения невозможно отличить от юридических фактов, которые традиционно понимаются как основания возникновения правовых отношений [Петражицкий, 2000: 281—284].

3) Противопоставление юридического факта и правового отношения в смысле житейского отношения приводит к логическим парадоксам

Как поясняет правовед: «Юридический факт является логическим *prius* для правоотношения, он должен появиться, быть налицо для того, чтобы возникло правоотношение. Но в этом заключается логический *nonsense*. Появление А предполагает наличие А; А должно существовать ранее своего возникновения; для производства А необходимо, чтобы существовало А, которое и производит А.

Такое нелепое содержание заключается в формуле «правоотношение предполагает наличие юридического факта» (или «юридический факт производит, обуславливает правоотношение») вследствие того, что правоотношение, по господствующей теории, в существе дела и есть юридический факт, так что выходит, что оно для своего возникновения, как условие, предполагает свое существование, должно возникнуть раньше своего возникновения.

Например, *usus*, брачное сожителство в течение года, несомненно, есть (по древнему римскому праву) житейское отношение, регулирующееся правом, т. е. с господствующей точки зрения — правоотношение. Но *usus* так же несомненно есть юридический факт, и выходит, что *usus* должен быть налицо раньше *usus*, как условие для собственного появления» [там же: 284—285].

Положительный аспект теории Петражицкого, если абстрагироваться от некоторой специфики психологической теории права, заключался в том, что ученый рассматривал правовые отношения как соответствия между правами одних и обязанностями других субъектов, то есть как идеальное отношение [там же: 305—308].

Заключение. Подводя итоги, можно отметить, что советская и современная российская дискуссия о понятии правового отношения уходит своими корнями в дореволюционную научную литературу, в которой представлены все три основные позиции — смешанная, фактическая и идеальная. Примечательно, что видные представители всех трех точек зрения относились как к петербургской, так и к московской школе философии и теории права. Также стоит отметить, что, несмотря на появившуюся более ста лет назад серьезную критику с двух сторон, смешанная концепция сохранила свое доминирующее положение как в советской, так и в современной российской юридической науке.

Библиографический список / References

- Алексеев Н. Н. Общее учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 году. Симферополь: Типография Е. К. Брешко-Брешковской, 1919. 162 с.
(Alekseev N. N. *General Theory of Law. A Series of Lectures Delivered at Taurida University in 1918/19*, Simferopol, 1919, 162 p. — In Russ.).
- Виноградов П. Г. Очерки по теории права. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. 153 с.
(Vinogradov P. G. *Essays on the Theory of Law*, Moscow, 1915, 153 p. — In Russ.)
- Гримм Д. Д. Соотношение между юридическими институтами и конкретными нормами. М.: Типография т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1914. 18 с.
(Grimm D. D. *The Relationship Between Legal Institutions and Specific Norms*, Moscow, 1914, 18 p. — In Russ.)
- Гримм Д. Д. Юридическое отношение и субъективное право. Ч. 1. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1897а. 37 с.
(Grimm D. D. *Legal Relation and Subjective Right. Part 1*, St. Petersburg, 1897a. 37 p. — In Russ.)
- Гримм Д. Д. Юридическое отношение и субъективное право. Ч. 2. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1897б. 25 с.

(Grimm D. D. *Legal Relation and Subjective Right. Part 2*, St. Petersburg, 1897b. 25 p. — In Russ.)

Капустин М. Н. Теория права (Юридическая догматика). Т. 1. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1868—1869. 352 с.

(Kapustin M. N. *Theory of Law (Legal Dogmatics). Vol. 1*, Moscow, 1868—1869, 352 p. — In Russ.)

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 8-е изд. СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н. К. Мартынова, 1908. 365 с.

(Korkunov N. M. *Lectures on the General Theory of Law. 8th ed.*, St. Petersburg, 1908, 365 p. — In Russ.)

Краевский А. А. Дискуссии о понятии и природе правового отношения в советской теории права и современное российское правоведение // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2023. № 3. С. 59—64.

(Kraevsky A. A. Discussions on the concept and nature of legal relation in the Soviet theory of law and modern Russian jurisprudence, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Natural and Social Sciences*, 2023, no. 3, pp. 59—64. — In Russ.)

Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступит. статья, коммент. Ю. И. Гревцова. 2-е изд. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 224 с.

(Muromtsev S. A. *The Definition and Basic Classification of Law*, St. Petersburg, 2004, 224 p. — In Russ.)

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.

(Petrazycki L. *Theory of Law and the State in Relation to the Theory of Morality*, St. Petersburg, 2000, 608 p. — In Russ.)

Рождественский А. А. Основы общей теории права. Курс лекций, читанных на Высших Женских Юридических Курсах в Москве. М.: Издатель В. С. Спиридонов, 1912. 159 с.

(Rozhdestvensky A. A. *Fundamentals of General Legal Theory. A Series of Lectures Delivered at the Higher Women's Law Courses in Moscow*, Moscow, 1912, 159 p. — In Russ.)

Савиньи Ф. К., фон. Система современного римского права. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. 510 с.

(Savigny F. K. *The System of Modern Roman Law*, Vol. I, Moscow, 2011, 510 p. — In Russ.)

Савиньи Ф. К., фон. Система современного римского права. Т. II / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2012. 573 с.

(Savigny F. K. *The System of Modern Roman Law*, Vol. 2, Moscow, 2012, 573 p. — In Russ.)

Суворов Н. С. Лекции по энциклопедии права. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1907. 127 с.

(Suvorov N. S. *Lectures on the Encyclopedia of Law*, Moscow, 1907, 127 p. — In Russ.)

Трубецкой Е. Н. Лекции по общей теории права. М.: Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1917. 226 с.

(Trubetskoj Y. N. *Lectures on the General Theory of Law*, Moscow, 1917, 226 p. — In Russ.)

Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. М.: Либроком, 2011. 152 с.

(Khvostov V. M. *General Theory of Law: An Introductory Essay*, Moscow, 2011, 152 p. — In Russ.)

Хофельд У. Основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации / пер с англ. А. А. Гаюдакина // Основные юридические понятия Уэсли Н. Хофельда / под ред. М. В. Антонова. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 94—159.

(Hohfeld W. Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning, in *Fundamental Legal Conceptions by Wesley N. Hohfeld*, St. Petersburg, 2016, pp. 94—159. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Краевский Арсений Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.krajewski@yandex.ru, SPIN-код: 9646-3311

Kraevsky Arseny Aleksandrovich — Candidate of Science (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, a.krajewski@yandex.ru